

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ
ПОЛКОВОДЕЦ
МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ
КУТУЗОВ

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной доктором исто-
рических наук профессором
М. В. НЕЧКИНОЙ 15 октября
1943 года в Колонном зале
Дома Союзов в г. Москве

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ
ПОЛКОВОДЕЦ
МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ
КУТУЗОВ

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной доктором исторических
наук профессором **М. В. Нечкиной**
15 октября 1943 года в Колонном
зале Дома Союзов в г. Москве.

ПЛАН ЛЕКЦИИ

	Стр.
Кутузов — ученик великого Суворова	4
Первая «встреча» с Наполеоном. Кампания 1805 года	11
Кутузов как государственный человек и дипломат. Первая услуга войне 1812 года	16
Назначение главнокомандующим	19
Основные условия стратегической задачи в войне 1812 года . .	21
Бородинская битва	25
Фланговый марш Кутузова	32
Заключение	38

Красная Армия — наследница боевого опыта русского народа. Богатейшее наследство завещано ей всем героическим прошлым нашей страны. Разобраться в этом богатстве, учесть его живой смысл в великой борьбе наших дней — важная очередная задача. Поэтому так велик интерес к темам, посвященным опыту наших знаменитых полководцев.

В ряду русских полководцев имя Кутузова сияет особым светом. Его «священную славу» — так назвал ее А. С. Пушкин — создали великие испытания 1812 года. Кутузов возглавил борьбу против сильнейшего и гораздо более многочисленного врага, предводимого «непобедимым» Наполеоном, ранее не знавшим поражений. Кутузов сохранил армию, спас русский народ от угрозы порабощения, кончил войну разгромом сильнейшего врага.

Как достиг он этого? Что можем мы почерпнуть в его великом опыте? Какое кутузовское наследство должны мы изучить и использовать? О чем будет говорить сияющий орден Кутузова, который ляжет на грудь отличившихся командиров Красной Армии?

В традиционной концепции тема «Кутузов» часто просто подменяется темой «1812 год». В ходе событий Отечественной войны то тут, то там возникает его эпически величавая фигура и в конце изложения уничтожение «великой армии» увенчивает тему. Нельзя согласиться с этой традиционной манерой. Тема «Кутузов» — самостоятельная тема, и при подобном изложении характерные черты Кутузова-полководца, проблема его военного наследства остаются нераскрытыми. Одним словом, тема «Кутузов как полководец» имеет свои задачи.

Раскрыть ее как самостоятельную тему о великом полководце тем более необходимо, что у многих при слове «Кутузов» выплывает на первый план величавый образ, созданный Львом Толстым в «Войне и мире», — образ мудреца, познавшего, что руководить событиями будто бы нельзя, а надо лишь не мешать им. Между тем все величие Кутузова и все существо его военного гения состоят именно в умелом руководстве событиями.

Бессмертную славу Михаила Илларионовича Кутузова соз-

дал 1812 год. Но Кутузов вырос и сложился как полководец еще задолго до этого. Он прошел замечательную военную школу, накопил многолетний боевой и жизненный опыт, закрепил свои близкие, «отеческие» отношения с русским солдатом, выработал в себе привычку принимать ответственные решения, расставлять людей, быстро разбираться в совокупности сложных военных обстоятельств и продуманно разрешать ответственные боевые задачи — еще задолго до 1812 года. Все сложное умение быть военачальником Кутузов приобрел в результате полувекового военного опыта.

Свой опыт Кутузов сумел блестяще применить в тот момент, когда решалась судьба его отечества: быть ли России в рабстве у Наполеона Бонапарта или отстоять ей свои права гордой и независимой страны, идущей самостоятельным путем развития? Мастерство Кутузова оказало могучее содействие народным силам, накопленным в борьбе с иноземным завоевателем. Кутузов возглавил борьбу народа против поработителя и привел отечество к победе.

Чтобы понять, каким именно образом Кутузов добился этого, необходимо разобраться в том, как вырос он, как воспитывался, как закалился в боях.

КУТУЗОВ — УЧЕНИК ВЕЛИКОГО СУВОРОВА

Будущий главнокомандующий в войне 1812 года родился 16 сентября 1745 года в семье военного инженера. Родом Кутузов был из дворян Торопецкого уезда, Псковской губернии. Отец его, Илларион Матвеевич Кутузов, был одним из культурнейших людей своего времени. Начав службу при Петре I, он на всю жизнь сохранил облик одного из «птенцов Петровых», — живого, разностороннего практического деятеля, не любящего громких фраз и предпочитающего им реальное дело. Илларион Матвеевич Кутузов не менее тридцати лет прослужил в инженерных войсках. За ним утвердилось прозвище «разумной книги»: так много было у него знаний и опыта, так хорошо вникал он в дела, так вдумчиво давал он друзьям советы.

Прекрасный Екатерининский (Грибоедовский) канал, хорошо знакомый каждому, кто бывал в Ленинграде, прорыт по планам отца будущего фельдмаршала. За проект этого канала Екатерина II пожаловала Кутузову золотую табакерку, осыпанную бриллиантами. Имея чин генерал-поручика, занимая вместе с тем должность сенатора, И. М. Кутузов был человеком, близко знавшим государственные дела. О нем говорили, что он «весьма сведущ не только в военных делах, но и в гражданских». Он обладал также большим боевым опытом, приобретенным в русско-турецкой кампании 1769—1774 годов под начальством графа Румянцева.

Маленький Кутузов рано лишился матери и воспитывался у бабушки. Его любознательность еще в детстве поражала взрослых. Все интересовало его, все вызывало вопросы: «Почему?» Единственный сын, он сосредоточил на себе все заботы отца. С детства отличаясь крепким здоровьем, живой, смелый и веселый мальчик, он легко одолевал учения, был любим товарищами и преподавателями.

Михаил Илларионович Кутузов получил прекрасное образование в Инженерной школе. Он отлично изучил математику, фортификацию, инженерное дело, знал французский, немецкий, польский и английский языки, объяснялся по-шведски и по-турецки, знал латынь. Его привлекала к себе обширная область гуманитарных знаний: он хорошо был знаком с общественными науками, историей, юриспруденцией, прекрасно знал русскую, французскую и немецкую словесность.

При всей разносторонности своих дарований он обладал и педагогическим талантом, обнаружившимся еще в юности. Школьное начальство, одобрявшее Кутузова за «прилежание к наукам», заметило педагогические склонности юного военного инженера и на некоторое время оставило его при Инженерном корпусе «при школе к вспоможению офицерам для обучения прочих». Кутузов преподавал математику, а позже, руководя подготовкой военных кадров в кадетском корпусе, любил в свободные часы преподавать и историю.

Педагогическая одаренность Кутузова: умение объяснить непонятное, передать знания, индивидуально подойти к человеку,— несомненно, послужила его военным талантам. Все эти качествагодились ему, когда в суворовской школе практической военной работы он начал учиться искусству обращения с подчиненными и завоевания их доверия.

Таким образом, Кутузов пришел в суворовскую школу военной практики уже подготовленным теоретически, высоко образованным военным. Жизнь дала ему лучшего военного учителя, которого только знала русская история.

1 января 1761 года Михаил Кутузов был произведен в прапорщики и получил назначение в Астраханский пехотный полк, стоявший в окрестностях Петербурга. В этом полку под начальством Суворова Кутузов командовал одной из рот. Как ротный командир, он постоянно общался с Суворовым: выполнял его приказания, советовался с ним в сложных делах. Одним словом, проходил под руководством Суворова замечательную школу практической военной выучки.

Суворов образцово ставил свои полки. Им была разработана прекрасная, продуманная система обучения солдат: «Учить только тому, что нужно на войне», «Учить не рассказом, а показом», «Тяжело ученье—легко в бою, легко ученье—тяжело в бою». Знаменитые суворовские слова: «Воюют не числом, но

уменьем» — красноречиво раскрывают все существо его системы.

Когда завистники — а их немало было у Суворова — говорили, что его военный успех просто зависит от случая, «счастья»: «Везет Суворову и только», — Суворов отвечал: «Один раз счастье, другой раз счастье — помилуй Бог! Когда-нибудь да и уменье».

Мастер выучки, тренировки солдат, Суворов делал руководимые им полки «образцовыми учреждениями», как их называли в военной среде.

Всякий подчиненный, проходивший его школу, учился и замечательному суворовскому искусству обращения с людьми. Суворов пользовался неограниченной любовью и доверием солдат. Солдаты видели в нем простого, родного им русского человека, который ничем не отличает себя от них, несет все лишения вместе с ними, попросту, по-отечески с ними разговаривает, отлично знает их нужды и стремится всячески удовлетворить их. В то же время выявить в солдате все его скрытые возможности, извлечь из него все то чудесное и неожиданное, что может дать в бою русский человек, — все это изумительно умел делать Суворов.

Кутузов, по характеру своему простой и обходительный русский человек, охотник до веселой шутки, легко воспринял и эту сторону замечательного суворовского воспитания.

В шестидесятых годах, когда Польша стала театром военных действий и русские войска двинулись туда, Кутузов настоял на своем назначении в действующую армию. В боях он не раз разбивал противника. Под начальством Суворова Кутузов принял участие в сложных боевых действиях против польских конфедератов. Таким образом, и свою боевую практику на театре военных действий Кутузов начал под начальством Суворова, на опыте познакомился с применением суворовских принципов «глазомер, быстрота и натиск», учился их раскрытию в боевой обстановке.

«Смотри на дело в целом», — неустанно поучал Суворов. Это замечательное суворовское правило также относилось к «глазомеру». «Глазомер» был для Суворова далеко не только умением «на глаз» измерить расстояние; нет, это было высокое военное мастерство быстро схватить суть общей обстановки, разобраться в обстоятельствах, учесть и положение противника, и его замыслы, и особенности местности, и позиции своей стороны — все наличные силы, все военные данные, на основе которых командир, «окинув все одним взглядом», принимает решение.

«Непрестанно упражняйся в том, как все окинуть одним взглядом, — это сделает тебя великим полководцем», — учил Суворов своего крестника Александра Карачая. Позже Напо-

леон дал этому же военному качеству термин «*Coup d'oeil*» — «Окинуть все одним взглядом».

Суворов понимал, что русская армия — армия национальная. Этому пониманию учил он и своих учеников. Величие Суворова и его школы состоит именно в том, что он сумел выявить национальные качества русского человека и поставить их на службу военному делу.

Прусское наемное войско было для Фридриха II прежде всего машиной для стрельбы. Только бы оно не рассуждало!.. «Не рассуждать, а только исполнять, что приказано», — гласило одно из фридриховских правил. В глубоком контрасте с этим прусским правилом стояло суворовское требование: «Понимать». Русская сметка, умение сообразовать данное действие с общей военной целью были поставлены на первый план в суворовской школе. Недостаточно, чтобы одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его, и по той же причине — даже унтер-офицеры и рядовые. «Каждый воин должен понимать свой маневр», — учил Суворов. Это обязательное требование понимания и рассуждения придавало всей военной школе Суворова отпечаток особой человечности. Так вырастали суворовские «чудо-богатыри».

Кутузов был чрезвычайно смелым человеком. Он всегда напрашивался на самые трудные поручения, требовавшие незаурядной храбрости и соображения. Любил ездить на горячих — «бешеных» — лошадях, как бы испытывая постоянно свою силу к преодолению препятствий (позже, после ранений, императрица Екатерина II запретила ему это).

Во время первой русско-турецкой войны Кутузов «до-ставлял начальству своему вернейшие сведения» и в самый день сражения «напрашивался на самые опасные случаи». Личным примером постоянно показывал он образец мужества и воодушевлял войска. Бывали случаи, когда Кутузов, увидев, что солдаты в бою замедляли движение, схватив знамя из рук знаменщика, вырывался вперед и своим примером увлекал войска.

Смерть гонялась за Кутузовым по полям сражений. Летом 1774 года в бою под Алуштой Кутузов, схватив знамя, бросился впереди войск и был в этот момент тяжело ранен: турецкая пуля пробила ему левый висок и вышла у правого глаза. В его формуляре записано: «Ранен пулею навывлет в голову позади глаз».

Врачи приговорили Кутузова к смерти, но железное здоровье и воля к жизни победили: он обманул смерть, уйдя у нее из-под носа. Правительство отправило Кутузова лечиться за границу: он побывал в Германии, Англии, Голландии,

Италии, используя эту поездку для пополнения своего обширного образования. Заграничные доктора написали о ранении Кутузова несколько диссертаций, восхваляя бога «за чудесное» исцеление раны.

Второй раз был ранен Кутузов при осаде Очакова: турецкая пуля попала ему в щеку и вышла в затылок, пройдя частично по трассе первого ранения. Снова Кутузов был приговорен к смерти. «Вчера опять прострелили голову Кутузову. Я полагаю, что сегодня или завтра он умрет», — писал австрийский представитель принц де Линь императору Иосифу с поля битвы. Но и на этот раз Кутузов обманул смерть — остался жив. Судьба как будто берегла его для будущих подвигов. Только правый его глаз стал видеть все хуже, долго болел и наконец совсем перестал видеть.

Кутузов был участником легендарного взятия Измаила. В этот суворовский подвиг вплетена и кутузовская слава. Дело происходило в 1790 году, во время второй русско-турецкой войны при императрице Екатерине II. Расположенный недалеко от устья Дуная, на пересечении путей из Галаца, Бендер, Хотина и Килии, Измаил запирал выход в Добруджу. Доколе турки владели этой крепостью, Дунай оставался турецким, а военные действия русских на Черном море могли простираться лишь до его устья.

Выстроенная по планам первоклассных французских инженеров, крепость Измаил считалась совершенно неприступной. Представьте себе каменную призму, защищенную Дунаем, а со стороны суши окруженную неприступными рвами — в 4 сажени глубиной и в 6 саженей шириной. За рвами идет земляной вал в 3—4 сажени высотой, далее высочайшая каменная стена. Несколько сот самых усовершенствованных для того времени артиллерийских орудий, расположенных в два яруса, угрожают приближению неприятеля. В крепости 35-тысячный гарнизон под командой сурового и опытного сераскира Айдос-Мехмета-паши, вдоволь боеприпасов и продовольствия.

Кутузов был активным участником подготовки суворовского штурма. Суворов прежде всего занялся подготовкой солдат, он приказал в расположении русского лагеря вырыть такие же рвы и построить модель измаильской стены. Ночной порой он водил солдат на тренировочные штурмы; делал так он потому, что штурм Измаила предполагалось провести именно ночью. Тем временем, чтобы сбить врага с правильного пути, Суворов, скрывая подготовку штурма, приказал со стороны Дуная, откуда он и не предполагал направлять центральный удар, построить две батареи.

Но подготовка к штурму не ограничилась у Суворова только тренировкой солдат и маскировкой плана. Он понимал, что дело штурма, требующее от каждого солдата напря-

жения всего его существа, гораздо сложнее и нуждается не только в тренировке, но и в других стимулах.

Штурму предшествовало предложение сдаться, которое Суворов направил начальнику крепости. «Первый выстрел — неволя, штурм — смерть. Что ставлю Вам на рассмотрение». На это турецкий сераскир надменно ответил: «Скорее небо упадет на землю и Дунай потечет кверху, чем я сдам Измаил».

Суворов немедленно приказал довести этот гордый ответ турецкого военачальника до сведения каждого командира, каждого солдата, прочесть во всех ротах, во всех батареях, даже в тех, которые были в тот момент сильно отдалены от крепости.

Зачем он делал это? А затем, что, зная психологию русского человека, хотел задеть его за живое, раззадорить его так, чтобы каждому солдату захотелось ответить сераскиру: «Ах, ты думаешь, что скорее небо упадет на землю? Так мы покажем тебе это небо с овчинку...» Суворов хотел, чтобы в каждом солдате разыгралось ретивое.

В штурме труднейшая задача выпала на долю Кутузова. Ему предстояло провести войска через широкий и глубокий ров, перетащить через него длинные лестницы, влезть по ним на неприступные крепостные стены, овладеть бастионом и затем уже по верху крепостной стены пробиться со своим отрядом на соединение с остальными сходящимися в крепости колоннами русских войск.

Суворов знал, что на Кутузова можно положиться как на самого себя, и поэтому его особенно встревожило замедление, которое после успешного начала боя вдруг было обнаружено на левом фланге. Что случилось? Кутузов после первых блестящих успехов явно замедлил движение. Он перебросил фашины, войска, лестницы через глубокий ров, он успешно преодолел, казалось бы, невозможное — высочайшие отвесные стены. Его солдаты уже были на крепостной стене и овладели бастионом. Но турки получили здесь значительное подкрепление. Завязался жестокий бой на самой крепостной стене. На много превосходящие русских турецкие силы не давали кутузовскому левому флангу довершить операцию — пробиться по крепостной стене на соединение с основными силами русских войск. У Кутузова не хватало сил, и он послал Суворову гонца с просьбой о подкреплении — он, никогда не просивший о помощи!

У Суворова не было таких резервов, которые он мог бы дать в распоряжение Кутузова. И Кутузов на свою просьбу получил неожиданный ответ: в подкреплении ему отказывалось, но он, Кутузов, назначался комендантом ещё не взятой крепости Измаил! Вслед за этим ответом Суворов сообщал Куту-

зову, что уже час назад в Петербург послано радостное известие о взятии крепости Измаил!

Все внутренние силы Кутузова и его солдат напряглись до предела — на карту было поставлено всё — и личная и общественная честь. Кутузов после шутил: «Ну, как же было мне не взять крепости Измаил, когда я уже был назначен её комендантом!» Вместе с тем и воинская честь требовала оправдания общего донесения о победе. Все силы были напряжены, и свершилось невозможное. Кутузов львиным натиском пробился сквозь гущу турок, его отряд соединился с основной массой русского войска. Измаил был взят!

После Кутузов спрашивал Суворова:

— Как же так, Александр Васильевич, а если бы крепость Измаил не была бы нами взята? Куда тогда нам от стыда деваться; мне, будущему коменданту невзятой крепости, вам, уже пославшему в Петербург донесение об успешном штурме?

Суворов отвечал:

— Суворов знает Кутузова, а Кутузов знает Суворова. Ведь если бы Измаил не был взят, то ты был бы мертв и я тоже. Ведь шли мы на победу или смерть—какой же стыд!

Так воспитывал Суворов своего знаменитого ученика. Кутузов говорил, что он на всю жизнь запомнил эти суворовские слова.

Суворов всегда умел оценить подвиги подчиненного. Он не принадлежал к числу тех «знаменитостей», которые присваивают себе славу своих же подвластных. Он каждому воздавал должное, и каждый знал, что после боя его дела будут справедливо оценены. Такое отношение к подчиненным было для них прекрасной школой воспитания.

После штурма Измаила Суворов писал о Кутузове в своем донесении Потемкину:

«Достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным, показал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, влез на вал, овладел бастионом, и, когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов».

В списке представленных к наградам за взятие крепости Измаил значился, конечно, Кутузов. К блестящей характеристике его героизма Суворов собственной рукой приписал: «Он шел у меня на левом крыле, но был правой моею рукой».

Кутузов прошел замечательную боевую школу. Он был настоящим питомцем Суворова. Но будущее готовило ему новые военные подвиги, расширяя его боевой опыт.

Уже после смерти Суворова Кутузову довелось встретиться на поле боя с тем полководцем, с которым в 1812 году ему

пришлось померяться силами. Много ценного извлек Кутузов из этой встречи, хотя она принесла ему немало горького. В 1805 году Кутузов на поле битвы встретился с Наполеоном.

ПЕРВАЯ «ВСТРЕЧА» С НАПОЛЕОНОМ. КАМПАНИЯ 1805 ГОДА

Кутузов лично не был знаком с Наполеоном и никогда не встречался с ним в мирной обстановке. Но в 1805 году ему пришлось встретиться с мировым завоевателем в обстановке войны, как с врагом. Эта встреча дала Кутузову огромный опыт. Он познакомился непосредственно и со стратегией и с тактикой Наполеона, глубоко продумывал планы врага, строил впроголодь им свои контрпланы, боролся с ним.

В 1805 году началась война Наполеона с коалицией России, Англии и Австрии. Основным врагом Наполеона была Англия. С 1803 года он находился с нею в открытой войне и все силы сосредоточил сначала на том, чтобы поразить Англию прямым военным ударом. Десант в Англию — это было заветной, но так и неосуществившейся мечтой Наполеона.

День и ночь стучали топоры и молотки на верфях приморского города Булони. Наполеон спешно готовил суда для переброски в Англию своих войск. «Мне нужны только три дня туманной погоды, и я буду господином Лондона, парламента и английского банка», — говорил он. Туманных дней на Ламанше случалось немало, но флот для переброски десанта ещё не был готов. В эти дни лихорадочной подготовки десанта Наполеону донесли, что за его спиной образовалась новая коалиция: сухопутные союзники Англии — Россия и Австрия, а также Швеция и король Неаполитанский — образовали союз, чтобы ударить во фланг и в тыл армии Наполеона, сосредоточенной на берегах Ламанша. Австрийская армия была двинута в сторону Франции, русские войска под начальством Кутузова торопились соединиться с австрийскими.

Наполеон моментально перестроил свои военные планы. «Если я через 15 дней не буду в Лондоне, то я должен быть в середине ноября в Вене», — сказал он. Курьеры помчались во все стороны с новыми распоряжениями и с неслыханной по тем временам быстротой — в две недели с небольшим — Наполеон перебросил свою громадную армию с Ламанша в Австрию. Он спешил использовать то обстоятельство, что русские войска еще не соединились с австрийскими, и стремился разбить своих противников поодиночке.

Под Ульмом Наполеон осадил австрийскую армию генерала Мака. Австрийцы легковверно попались на приманку, подкинутую Наполеоном: к генералу Маку Наполеон подослал своего шпиона со свежим номером «Парижской газеты», поспешно отпечатанным тут же, в походной наполеоновской типографии. В газете сообщалось, что англичане якобы высади-

лись в Булони, что в Париже восстание и Наполеон возвращается во Францию. Поверив всему этому вранью, бездарный австрийский вояка не увел армию из опасного места, не принял мер к ее спасению и оказался в мешке. Мак позорно сдался с большой боеспособной армией, со значительным количеством боеприпасов, в первоклассной крепости. С тех пор «Ульм» стал синонимом позорной капитуляции.

В то время как Кутузов поспешно вел к Вене на соединение с австрийскими войсками русскую армию, Вена пала перед Наполеоном. Поддайся Кутузов настояниям австрийцев, русская армия прямо попала бы в мышеловку и Наполеон блестяще разрешил бы свою задачу: разбил бы своих врагов поодиночке. Но Кутузов разгадал планы Наполеона. Он понял, какие тот ставил себе цели, он сумел вовремя догадаться о грозящей русской армии опасности. «Хитер, хитер! Умен, умен! Никто его не обманет», — говорил о Кутузове Суворов. Кутузов действительно сумел перехитрить Наполеона. Спасти армию, увести ее от сильнейшего неприятеля, не дать Наполеону добиться решения своей задачи — разбить союзников поодиночке — таково было решение Кутузова. Он спешно двинулся от Вены, совершил свою знаменитую «ретираду» от Кремса к Цнайму. Он принимал героические меры, чтобы выгадать время и увести основную массу своей армии от наседавшего на нее арьергарды Наполеона. Кутузову приходилось выставлять против Наполеона заслоны с одной целью: задержать противника, дать возможность уйти главным русским силам. Таково знаменитое Шенграбенское дело — слава Багратиона.

Русская армия достигла своей цели невиданным напряжением сил, ее марши были совершаемы с предельной скоростью. Тактика Кутузова взяла верх: Наполеон не разрешил своей задачи, а Кутузов разрешил! Русская армия была сохранена и приведена в Ольмюц, где уже находились оба императора: русский — Александр I — и австрийский — Франц.

Александр I не обладал военными талантами (впрочем, сам он в них уверен был вполне), но лавры Наполеона не давали ему спать. Он мечтал о решительном сражении с Наполеоном и выигрыше генеральной битвы во что бы то ни стало. Это решение, конечно, было наруку австрийцам. Растеряв основную часть своей армии под Ульмом и Веной, австрийцы охотно поддерживали воинственный пыл Александра I. Осуществить замысел русского императора было чрезвычайно выгодно для австрийского командования. Это означало для уже почти совсем разгромленной Австрии загрести жар победы русскими руками, оплатить ее русской кровью и надаровщину воспользоваться ее плодами. Но Кутузов никак не хотел допустить этого. Он был решительным противником нелепого в данных условиях генерального сражения, когда союзник России столь ослаблен. Он прекрасно

знал основной принцип наполеоновской тактики—громить прежде всего живую силу врага.

Но Александр I не хотел слушать предостерегающего голоса Кутузова. Охваченный жадой личной славы, подпавший под влияние австрийцев и пруссаков, он кипел желанием немедленно встретиться с Наполеоном в генеральном сражении. Он указывал на то, что из России успели еще подтянуться к Ольмюцу свежие резервы: только что пришли гвардейские полки и армейские подкрепления. В Ольмюце собралось, таким образом, русских войск около 75 тысяч человек, да остатков австрийских войск набралось 15—18 тысяч. Александр кроме того уже дал клятву в верности прусскому королю, на силы которого надеялся.

В дело вмешался сам Наполеон, только и мечтавший о том, чтобы союзники не раздумали дать ему генерального боя. Ничто не могло быть для него желаннее! Наполеон разыгрывал «испуг», нарочно «отступал», предлагал перемирие. Все это окончательно укрепило Александра I в его ложном решении — дать бой. Кутузова не слушали. При императоре его власть как главнокомандующего становилась фиктивной. Передвижение войск совершали за его спиной, подготовка к сражению происходила под непосредственным руководством императора.

2 декабря 1805 года несколько западнее небольшой австрийской деревушки Аустерлиц, в 120 километрах от Вены, Наполеон одержал одну из своих самых блестящих побед.

Александр поручил разработать диспозицию Аустерлицкого сражения бездарному австрийскому генералу Вейротеру. Сторонник отжившей австро-прусской военной школы, Вейротер составил подробный план, в котором все было «предусмотрено» до мелочей. Он носился с идеей отрезать правый фланг Наполеона от Вены и предложил поэтому в центре операций поставить обход его позиций. Страшных ошибок в этом плане было по крайней мере две: во-первых, он не предусматривал никаких наступательных движений Наполеона. План исходил из чудовищного по нелепости предположения, что Наполеон будет неподвижен, как пограничный столб, а армия союзников будет невзбранно совершать свои обходы. Второй крупнейшей ошибкой Вейротера было запланированное решение оставить Праценские высоты — замечательную артиллерийскую позицию. Ничто не могло так помочь Наполеону, как переход в его руки этой возвышенности, да какой еще переход! Даровой.

Кутузов молча сидел на заседании военного совета, на котором читался бесконечный доклад Вейротера. Император Александр пресек инициативу главнокомандующего, руль событий был вырван из его рук, Кутузов был фактически бессилён. Единственное, что он посоветовал,— это всем вы-

спастись перед сражением. Наступали особо тяжелые для него дни, которых позже он никогда не мог забыть.

Соединенная русско-австрийская армия расположилась на предназначенных ей диспозицией местах. Четвертая колонна, занявшая Праценские высоты, шла под командой австрийского генерала Коловрата. Кутузов, находившийся подле нее, всячески задерживал ее спуск с высот. Им руководил верный инстинкт полководца, суворовского ученика, впитавшего в свое сознание золотое суворовское правило «Умей пользоваться местностью».

Войска уже двинулись в обход Наполеону, а Кутузов все медлил и медлил. Александр I подскакал к Кутузову:

— Михаил Ларионович, почему не идете вперед?

— Я поджидаю, чтобы все колонны пособирались.

— Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки!

— Государь, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если приказываете...

Император отдал приказание. Четвертая колонна двинулась с Праценских высот. Непоправимая ошибка была совершена.

Наполеон только и ждал этого момента. Он предвидел его, уловив первые движения русско-австрийской армии. Возможно также, что вейротерская диспозиция стала ему известна через шпионов. Французы бросились в атаку. Праценские высоты были заняты.

Кутузов принял личное участие в сражении. Во время схватки его ранили в лицо, но он не замечал раны. Около него убили мужа его дочери—Тизенгаузена, который вырвался со знаменем вперед, увлекая полк. Страшная Аустерлицкая битва нанесла огромный урон русской гвардии.

Наполеон направил в центр союзных войск всю мощь своего сокрушающего удара, бросив сюда огромные силы. Правый и левый фланги союзников оказывались резко оторванными друг от друга. На одиннадцатитысячный корпус Багратиона был обрушен восемнадцатитысячный корпус Ланна.

Югозападный край Аустерлицкого поля был покрыт сетью озер и рыбных прудов; тут же протекала речка Литава. Все это образовало здесь узкие переходы, озерные дефиле, куда бездарный Буксгевден завел значительные русские силы. Наполеон стал смыкать окружение. Русско-австрийские войска бросились к мельнице, ища выхода через мельничную плотину. Но мельница вспыхнула от попавшего в нее артиллерийского снаряда, и путь был отрезан. Мост через реку Литаву рухнул под тяжестью бегущих войск. Тогда люди пустились бежать по тонкому льду, едва успевшему затянуть пруды и озера. Лед ломался. Многие тонули.

Заметив это, Наполеон приказал бить ядрами по льду, и урон армии был еще тяжелее. Катастрофа была полной.

Оба императора — и русский и австрийский — бежали с поля боя. Маршалы Бессьер и Рапп по пятам преследовали кавалергардов. «Мы заставим плакать петербургских дам», — говорили они. Свидетель разгрома Адам Чарторыйский писал в своих воспоминаниях: «В союзных войсках не было больше ни полков, ни главного корпуса. Это были просто толпы, бежавшие в беспорядке». Наполеон праздновал одну из самых блестящих своих побед.

— Вы ранены в лицо, — говорили Кутузову его друзья.

— Рана не здесь, а вот где, — едва сдерживая рыдания, отвечал старый главнокомандующий, указывая на разбитые войска.

Причина неудачи под Аустерлицем была не только в просчетах Александра, но и в том, что цели войны 1805 года не были понятны русскому солдату. Его бросили сражаться за чужие, неясные для него дела на чужой земле. «Сражение выигрывает тот, что твердо решил его выиграть», — мудро говорил устами князя Болконского Лев Толстой. Об Аустерлицком разгроме он же сказал: «Отчего мы под Аустерлицем проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами, но мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение — и проиграли. А сказали мы это потому, что там незачем было драться: поскорее хотелось уйти с поля сражения. «Програли — ну так и бежать!» — Мы и побежали».

Как не горек был для Кутузова приобретенный опыт, но первая «встреча» с Наполеоном многому научила его. Уже во время отхода от Вены Кутузов на практике изучал стратегию и тактику Наполеона, проникал в его планы и сумел перехитрить его. Аустерлиц был генеральным сражением, демонстрировавшим один из самых блестящих приемов Наполеона: умение использовать ошибки противника, нанести сокрушительный прорыв центру неприятельского фронта... Опыт Кутузова несравненно обогатился.

Однако опыт Аустерлицкого сражения не должен подменять собой в нашем представлении весь опыт войны 1805 года, который приобрел Кутузов. Надо и тут, как всюду, и особенно в делах военных, применять суворовское правило «Смотри на дело в целом». Изумительный отвод войск от Вены к Ольмюцу преодолел хитрости Мюрата, спасение русской армии, мудрое и прозорливое суждение о замысле Аустерлицкого сражения — все это, вместе взятое, характеризует Кутузова в войне 1805 года как талантливейшего полководца. Наполеон недаром именно с кампании 1805 года приметил «старую лисицу Севера». Даже историки наполеоновского толка не могли скрыть того обстоятельства, что

накануне 1812 года «из всех генералов — современников Наполеона... осторожный и хитрый Кутузов был его самым опасным противником». Так писал историк Тьер. Что послужило ему основанием для такого суждения о Кутузове? Основанием его был весь замечательный боевой опыт Кутузова, в том числе и опыт кампании 1805 года.

КУТУЗОВ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И ДИПЛОМАТ. ПЕРВАЯ УСЛУГА ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Кутузов был не только талантливейшим полководцем: он был и дипломатом. Много раз служил он России на дипломатическом поприще. При Екатерине II он был чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе (1793 год). Он участвовал как дипломат в заключении русско-турецкого мира в Яссах (1791 год), по которому Россия закрепила за собой важные территории Причерноморья: морское побережье между Бугом и Днестром, крепость Очаков, — окончательно подтвердила свое право на обладание Крымом. При Павле он был отправлен в качестве полномочного и чрезвычайного министра русского императора в Берлин на имперский сейм (1797 год).

Кутузов-дипломат самостоятельно и смело разрешал сложные задачи, поставленные перед ним правительством. Когда он был полномочным и чрезвычайным послом в Турции, русское правительство поставило перед ним чрезвычайно сложную задачу — вытеснить из Турции французское влияние, — и Кутузов успешно разрешил ее. В Пруссии он должен был заменить князя Репнина, которому не удалось справиться с некоторыми сложными поручениями, — Кутузов же выполнил их. Как говорят старые источники: «Вся дальновидность и пронырство аббата Сиэса (французского представителя. — М. Н.) не могли устоять против опытности генерала Кутузова».

Обаяние Кутузова как человека, его находчивость и остроумие играли немалую роль в его дипломатической деятельности. Он был незаменимым собеседником, с ним нельзя было скучать. Когда в Петербург приезжал какой-нибудь принц крови или крупный дипломатический деятель, кого было назначить ему в сопровождение? Конечно, Кутузова. Блестяще владеющий иностранными языками, мастерский рассказчик, Кутузов был незаменим в этой роли. Надо сказать, что его мастерство как рассказчика усиливалось тем, что он был замечательнейшим имитатором: умел «передразнить» знакомых ему лиц так, что их друзья только «ахали» и покатывались со смеху: «Вылитый, нельзя отличить!» Это мастерство даже повредило однажды молодому Кутузову по службе, когда он во время товарищеской пирушки по настоянию приятелей изобразил самого главнокомандующего —

графа Румянцева. Слух об этой юношеской выходке дошел до сведения надменного вельможи, и тот настоял на переводе Кутузова во вторую армию — под начальство князя Долгорукого. Это очень огорчило живого и веселого Кутузова. После этого случая он стал заметно сдержаннее.

Умение подражать делало Кутузова замечательным рассказчиком анекдотов, большим мастером пошутить. Подчиненные знали веселый нрав начальника, и это прокладывало Кутузову дорогу к их сердцу. Лорд Байрон называет Кутузова «великим и веселым».

«Перед другом и врагом он был готов
Всегда шутить и, ставя жизнь на карту,
Острил над всем, веселый теща нрав»,—

так говорится о Кутузове в VIII песне «Дон-Жуана».

На заседаниях с турецкими представителями Кутузов постоянно смешил турок. От кутузовских анекдотов они буквально падали со смеху вокруг стола, за которым заседали. Великий визирь Капудан-паша удивлялся: «Каким образом человек, столь ужасный в боях, мог быть столь любезен в обществе!» Одного турецкого пашу, который свято выполнял данный им обет никогда не смеяться, Кутузов заставил расхохотаться.

Умел он придать и внешнее величие своим дипломатическим приемам и выездам. Назначенный русским послом в Константинополь, он въехал в столицу Турции с таким блеском и пышностью, что поразил всех. Он подчеркивал этим престиж России как великой державы.

Большой и многогранный жизненный опыт Кутузова, столь нужный дипломату, дополнялся тем, что он не раз бывал губернатором, управлял административной системой большой территории, имел постоянно дело с населением и сложной жизнью больших городов. Кутузов был санктпетербургским, виленским и киевским военным губернатором. Про него, как и про его отца, можно было сказать, что он сведущ и в военной и в гражданской части. Широкое образование, большой жизненный опыт и прекрасная осведомленность в современной ему политике укрепляли дипломатические таланты Кутузова. Он умело разбирался в международной обстановке, умел и тут «смотреть на дело в целом», как учил его Суворов. Сложные международные ситуации легко схватывались Кутузовым, и он видел, куда идет история.

Эти качества особенно пригодились ему накануне 1812 года. Он предвидел войну с Наполеоном, и это дало ему возможность оказать незабываемую услугу Отечественной войне — услугу, совершенную, как это ни странно, еще до начала войны.

1812 год застал Кутузова на русско-турецком фронте.

С 1806 года Россия вела войну с Турцией. Война, шедшая с переменным успехом, сильно затянулась. Прибыв на русско-турецкий фронт, Кутузов достиг значительных удач. Он уже имел от русского правительства общие полномочия заключить мирный договор с Турцией, но мог заключить его по своему усмотрению и быстрее и медленнее. Будь на месте Кутузова человек, не обладавший его недюжинным дипломатическим талантом, он мог бы не учесть сложившейся в начале года международной обстановки и совершить непоправимую ошибку.

Обстановка же была предгрозовая. В воздухе уже пахло войной. Кутузов отлично понимал: если Россия не успеет заключить мир с Турцией и грянет война с Наполеоном, тогда при наличии двух фронтов: русско-французского и русско-турецкого — положение России будет вдвое более затруднительным. Наполеон же, конечно, дорого заплатит за то, чтобы русско-турецкий фронт был в действии и оттягивал русские силы. Поэтому надо торопиться и «елико возможно» быстрее кончать войну с Турцией на выгодных для России условиях. Выгодные же условия закреплялись достигнутыми им в последнее время военными успехами. Кутузов решил спешить с подписанием мира.

Еще 13 октября 1811 года турецкие уполномоченные приехали в Журжу, где и состоялась конференция мирного конгресса под руководством и «неусыпным наблюдением» Кутузова. Мирный договор подписывался в Бухаресте. 5 мая 1812 года были установлены его окончательные статьи. Военные действия были прекращены. 8—16 мая были подписаны всеми уполномоченными постановления конференции в их окончательной форме. Мир был почетен и выгоден: по Бухарестскому миру 1812 года, к России отошла Бессарабия.

Таким образом, за какой-нибудь месяц до начала военных действий с Францией Кутузов разрешил сложнейшую задачу — заключил почетный и выгодный мир, избавил Россию от второго фронта военных действий с неприятелем. А продлилась война с Турцией и будь этот второй фронт налицо, успехи Отечественной войны были бы сильно заторможены и победа над Наполеоном отодвинулась бы дальше в глубь времени. Проницательность Кутузова послужила великим облегчением России в Отечественной войне.

Однако Александр I и тут нашел причины быть недовольным Кутузовым. Он был раздражен тем, что Кутузов не заключил с турками оборонительного и наступательного союза. Переговоры о союзе оборонительном и наступательном потребовали бы времени, а его-то и нужно было выиграть. Кутузов сделал все, что было возможно в той сложной международной обстановке, и достиг главного.

После Александр I благословлял вовремя заключенный Бухарестский мир и называл его «богом дарованным».

Полуопальный старик, совершивший величайшее дело для своей родины, после Бухарестского мира остался не у дел. Никаких новых назначений не последовало: Кутузов сдал по царскому приказу Дунайскую армию Чичагову и отправился в свое волынское имение Горошки заниматься сельским хозяйством и возиться с внучатами.

Тут и застало его известие о начале войны с Наполеоном. В ночь на 24 июня 1812 года войска Бонапарта вероломно, без объявления войны, перешли Неман и вторглись в русские пределы. Совершилось то, чего ожидал Кутузов.

Усидеть в своей глуши в такое время старик, конечно, не мог, хотя начало военных действий и не принесло ему никаких назначений. Кутузов отправился из своего волынского полуизгнания в Петербург, куда прибыл в начале июля 1812 года.

НАЗНАЧЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ

«Мой дорогой друг,— писал Наполеон в Париж своей жене императрице Марии-Луизе,— я перешел Неман 24-го числа в два часа утра. Вечером я перешел Вилию. Я овладел городом Ковно. Жара стоит крайняя».

Вторжение совершилось. Наполеон взял Вильно, Минск, Витебск, Могилев. В августе он уже стоял под стенами Смоленска. Он приближался к самому сердцу русской земли.

Наполеон использовал немало ошибок правительства Александра I. Одной из этих ошибок было то, что все еще не был назначен главнокомандующий, хотя шел уже второй месяц войны.

19 августа Наполеон въехал в пылающий, полуразрушенный Смоленск, заваленный трупами и ранеными.

Положение России было очень трудным. Правда, отступательная стратегия была целесообразной — соединить обе армии удалось. Однако враг уже глубоко вклинился в живое тело страны, и силы все еще не были равными. Правильность этой стратегии не всем была понятна, а войска открыто роптали, несправедливо обвиняя Барклая де Толли в измене. Ему не доверяли, фамилию его (он был шотландцем по предкам) неправильно принимали за французскую. «Барклай ведет гостя прямо в Москву»,— повторяли все с негодованием слова Багратиона. Положение было очень нелегким.

Незадолго до сдачи Смоленска русское правительство поняло, наконец, серьезную ошибку, которую оно допустило в начале войны, и решило исправить ее, т. е. назначить главнокомандующего.

В дворянстве и в народе давно шли удивленные толки,

что такой крупный военный мастер, как ученик Суворова, Кутузов, находится не у дел. Все обвиняли в этом царя. И в Москве и в Петербурге Кутузова демонстративно выбрали начальником народных ополчений. Кутузов с благодарностью принял назначение и с головой ушел в дела, хлопоча с утра до вечера, организовывая сложное дело, лично принимая ополченцев.

Александр против воли вынужден был назначить главнокомандующим того, кого указал ему «голос народа».

«В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова: это было «общее желание», — писал Александр сестре Екатерине Павловне. — Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Растопчин (московский генерал-губернатор. — *М. Н.*) письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Багратион оба неспособны на это... мне осталось только уступить единодушному желанию, и я назначил Кутузова. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий глас...»

«Я умываю руки», — писал далее Александр сестре.

И в это же время писал Кутузову в официальном рескрипте, назначая его главнокомандующим:

«Михаил Илларионович! Известные военные достоинства ваши, любовь к отечеству и неоднократные опыты отличных подвигов приобретают вам истинное право на сию мою доверенность. Избрав вас для сего важного дела, я прошу всемогущего бога, да благословит деяния ваши к славе Российского оружия и да оправдаются тем счастливые надежды, которые Отечество на вас возлагает. Пребываю к вам благосклонный Александр».

Именной указ о назначении Кутузова главнокомандующим последовал 8 августа старого стиля (20 августа по новому стилю).

В Петербурге, узнав о назначении, народ толпами собирався перед домом Кутузова. В армии и в народе сразу повеселели. Стало как-то легче и спокойнее на душе, когда узнали, что старый суворовский ученик, народный любимец, испытанный в боях, становится во главе армии.

«Приехал Кутузов бить французов», — сразу сложили в армии рифмованную поговорку.

— О, эта старая лисица Севера! — воскликнул Наполеон, узнав о назначении Кутузова.

Когда до Кутузова дошел слух об этом, он сказал, что постарается оправдать название, данное ему Наполеоном.

— Дедушка, — спрашивал Кутузова маленький внучек, когда тот отправлялся на фронт, — ты что, хочешь разбить Наполеона?

— Разбить-то я его, может быть, и не разобью, но обмануть обязательно обману! — отвечал старик.

Недавно найденная мною в архиве и пока еще не опубликованная рукопись офицера генерального штаба Александра Муравьева, посвященная войне 1812 года, передает один еще не известный эпизод из жизни главнокомандующего. В генеральном штабе нашлись шептуны, которые стали распространять слухи о слабости зрения Кутузова: у главнокомандующего, мол, только один глаз, да и тот плохо видит, что там рассмотрит старик в позициях, в выборе местности.

Кутузов узнал об этом и решил положить предел этим разговорам посредством дипломатического приема. Назначив днем выезд штаба на место для осмотра предполагаемых позиций, Кутузов утром дал строго секретный приказ казачьему разъезду в течение всего осмотра позиций штабом гарцовать в очень большом отдалении от места осмотра. Начался смотр. Вдруг кто-то из генералов заметил появление воинского разъезда на опушке леса. Расстояние было столь велико, что невозможно было разглядеть, свои это или французы.

— Ваша светлость, — говорили Кутузову, — лучше бы вам уйти с этого места! Все-таки опасно, может, это французы.

Самые зоркие генералы напрягали зрение и не могли разобрать: свои или французы?

— Дайте-ка я посмотрю, — сказал Кутузов и, прищурив свой единственный глаз, уверенно сказал: — Свои. Казаки.

— Да нет, ваша светлость. Пошлем разведку.

Послали разведку. Разведка, конечно, принесла подтверждение: действительно свои, казаки.

С тех пор в штабе пошли другие разговоры: хотя у Кутузова всего один глаз, но видит он дальше самых зорких генералов.

В момент назначения главнокомандующим Кутузову было уже 67 лет. Кутузов вступил в должность главнокомандующего в труднейший период войны. Перед ним стояла чрезвычайно сложная и, на первый взгляд, совершенно неразрешимая стратегическая задача.

ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В чем же заключалась основная стратегическая задача войны 1812 года, ставшая перед Кутузовым?

Он принял армию на отступлении, в тяжелый и опасный момент. Правда, русское командование искусно избежало генерального боя и соединило две разорванные 100-километровым пространством армии в единое целое. Но все же положение было очень трудным.

Основная стратегическая задача состояла в том, что нужно было победить и изгнать из русской земли врага:

превосходящего по численности;

пользовавшегося людскими ресурсами и производственными возможностями всей покоренной им ранее Европы; успевшего глубоко вклиниться в русскую территорию;

шедшего к подступам древней столицы — Москве;

обладавшего превосходным вооружением и артиллерией; имевшего первоклассный командный состав, испытанный в боях на пространстве всей Европы;

наконец, имевшего предводителем гениального полководца — Наполеона, осиянного мировой славой.

Как разрешить эту сложную и на первый взгляд неразрешимую задачу? Особенно если принять во внимание, что:

союзники (Англия и Швеция) не могут помочь России людскими силами. Англия в состоянии помогать лишь деньгами и боеприпасами;

рассчитывать на поддержку Европы, покоренной Наполеоном и являющейся его покорным союзником, нечего;

русская армия по численности втрое слабее наполеоновской;

врагу отдана уже значительная территория;

естественных преград, удобных рубежей между Смоленском и Москвой, на которые можно было бы опереться, нет.

Положение могло бы показаться просто безвыходным. Но Кутузов был учеником Суворова, и умел «смотреть на дело в целом». А это означало, что он умел схватывать развивающиеся явления жизни, умел выделять их из огромного разнообразия бытия, верно угадывая направление их развития, и, опираясь на них, завоевывать, организовывать победу, которая никогда не приходит сама.

Перед взором Кутузова простирались два круга явлений:

один охватывал явления во вражеском лагере, они говорили о развивающихся силах внутри наполеоновской армии или о силах, так или иначе связанных с нею. Это была жизнь, развивающаяся в стане врага. Надо было понять направление этого развития, чтобы ухватиться за явление, ослабляющее великую армию, влекущее ее вниз, к потере сил, к поражению;

другой — относился к противоположному лагерю — к борющейся России. Какие вызревали и какие развивались тут силы, опираясь на которые можно было бы обеспечить победу?

В лагере противника с виду все обстояло благополучно: он продвигался, занимал территорию, трубил о победах на всех перекрестках Европы. Но это было внешней стороной явления, внутри же оно имело свои слабости: огромная «великая армия» была пестра по своему составу. Она не была

единой национальной армией,— не даром русские называли ее армией «двунадесяти языков», — из 20 народов состояла наполеоновская армия.

«Поток великого переселения народов направляется к своему первоисточнику!»— с пафосом восклицал по этому поводу историк Наполеона — Вандаль. В армии Наполеона французы составляли меньшинство: в ней были немцы, итальянцы, голландцы, португальцы, швейцарцы, испанцы, хорваты, иллирийские славяне и другие народы. В полумиллионной армии императора французов по-французски не говорило и полурота тысяч человек. Это было слабостью «великой армии».

Составленная из покоренных народов, она раздиралась внутренними противоречиями. Пруссаки, испанцы и другие ненавидели поработителей. Особенно ненавидели Наполеона испанцы. В их стране шла непрерывная народная война — «герилья» — против французских поработителей. Наполеон вынужден был оставить в уже «покоренной» Испании почти 400-тысячную армию — немногим меньшую той, которую он бросил на Россию. Ясно было и то, что в этой огромной, разношерстной армии, собранной со всех концов Европы, не может быть единой воодушевляющей ее цели в войне, даже не может быть вообще единого представления о смысле войны.

Война 1812 года вообще менее всех других наполеоновских походов была популярна в Европе. Не только солдаты, но даже командный состав толком не знал цели войны. Одни говорили о Москве, другие — глухо об Индии, третьи — туманно о «необходимости» завоевать весь мир. Ни одна из формул не могла зажечь вдохновением эту брошенную на Россию массу разношерстного люда, ненавидящего поработителя.

22 июня Наполеон обратился с воззванием к «великой армии». Это был наиболее подробный документ, говоривший о целях войны, обращенный непосредственно к войску:

«В Тильзите Россия поклялась в вечном союзе с Францией и клялась вести войну с Англией. Она теперь нарушает свою клятву... Рок влечет за собой Россию, ее судьбы должны совершиться. Считает ли она нас уже выродившимися? Разве мы не аустерлицкие солдаты? Она нас ставит перед выбором: бесчестье или война. Выбор не может вызвать сомнений. Итак, пойдем вперед, перейдем через Неман, внесем войну на ее территорию... мир, который мы заключим, будет обеспечен и положит конец гибельному влиянию, которое Россия уже 50 лет оказывает на дела Европы».

За что же идет война? Где тут цели, которые могли бы вдохновить всю массу втянутых в «великую армию» народов Европы? У Наполеона не было и не могло быть в его неспра-

ведливой, агрессивной, захватнической войне никаких целей, которые могли бы вдохновить его армию.

Второй круг явлений, лежавший перед Кутузовым, относился к русскому лагерю. Народный характер войны был самой выдающейся чертой этого рода явлений. Он сказывался во всем, прежде всего в том, что цель войны — выгнать из своей родины поработителя, насильника, захватчика, охранителя крепостного права — ясна была самому простому мужику. Война русского народа была справедливой, была войной за правое дело. Это понимал каждый русский, украинец, белорус, литовец — все народы, поля которых уже топтал своим кровавым сапогом враг или чьим землям угрожала такая же участь. Все они объединились в одном желании — дать отпор врагу. В России начиналась народная война — самое страшное и неожиданное для Наполеона.

Народная война проявлялась:

в невиданном героизме армии и охватившем ее боевом, наступательном духе;

в доверии войск к своим командирам с Кутузовым во главе;

в крепком единении фронта и тыла;

в развившемся с первых же дней войны партизанском движении;

в отказе населения иметь дело с врагом, в уходе крестьян в леса, в уничтожении или сокрытии продовольствия.

И хотя русская армия не была так многочисленна, как неприятельская, но она непрерывно пополнялась новыми силами и возрастала численно;

она находилась в прекрасном моральном состоянии;

русская армия имела в своем составе превосходный состав — старых суворовских солдат, бравших Измаил, участников итальянских побед и легендарного перехода через Альпы. Более половины старого суворовского солдатского состава еще служило в армии 1812 года. Немало солдат уже имело и опыт столкновения с самим Наполеоном — на полях Австрии в 1805 году и в Пруссии в кампании 1805—1807 годов;

она имела превосходный, закаленный командный состав, в котором было немало суворовских учеников и генералов, уже имевших непосредственные боевые дела с Наполеоном в кампаниях 1805 и 1806—1807 годов. В ее командном составе такие полководцы, как Багратион, Раевский, Ермолов, Дохтуров, Тучков, Коновницын, Платов, Неверовский...

она имела прекрасную артиллерию — ни по количеству, ни по качеству не только не уступающую французской, но в ряде случаев превосходящую ее;

она, наконец, сражалась на своей земле, окруженная благоприятной поддержкой народа.

Нужна была мудрая воля, которая сумела бы воспользо-

ваться этими возможностями, собрала бы все силы и направила бы их к завоеванию победы. Это сумел сделать Кутузов. Он приметил все эти обстоятельства и использовал их при разрешении стратегической задачи 1812 года.

БОРОДИНСКАЯ БИТВА

Главнокомандующий прибыл в Царево-Займище, сделал смотр войскам и приказал... продолжать отступление. Но это отступление вносило уже нечто новое в тактику русской армии.

На первом этапе войны — от границы до Смоленска — тактика отступления была обусловлена необходимостью соединить армии. Во имя этого отступала первая армия Барклая де Толли, во имя этого отступал и Багратион, горевший желанием действий и проклинаявший отступательную тактику. В августе эта сложная и важная цель была достигнута: армии соединились. С этого момента Багратион и многие другие военные настоятельно требовали наступления. Во имя какой же цели Кутузов продолжает еще некоторое время, до Бородинского поля, мудрую и единственно правильную тактику отступления?

Нужно было обладать гениальным чутьем великого полководца, чтобы уловить момент, когда генеральное сражение становилось не только допустимым, но необходимым. Никакое «общественное мнение», давно уже требовавшее битвы, никакие настроения придворных кругов, раздраженных отсутствием генерального сражения, никакие прочие соображения внутренней дипломатии, о которых постоянно рассказывается в книгах, посвященных войне 1812 года, не могли бы сами по себе вынудить такого опытного полководца, как Кутузов, дать в угоду общественному мнению нецелесообразное сражение, бросить тысячи жизней русских воинов лишь в угоду тому, чтобы где-то пошли те или иные новые разговоры — и только.

Кутузов, как никто, умел выдерживать бушующий напор разнообразных мнений и с решительностью мудрого вождя противопоставлять ему целесообразное в военном отношении решение. Нет ничего более поверхностного, как мнение о том, что Кутузов дал Бородинское сражение в угоду общественному мнению или что Бородино было сознательно осуществлено Кутузовым как «искупительная жертва» за Москву.

Кутузов дал Бородинское сражение не в «угоду» кому-то или чему-то, а он дал его французам и дал в силу того, что нашел его в военном отношении целесообразным, гениальным своим чутьем уловив момент, когда силы противника более или менее уравнились с русскими силами.

В Бородинском сражении со стороны французов принимало участие 130 тысяч человек; неиспользованным резервом оста-

валась гвардия. Со стороны русских — 120 тысяч. А ввел Наполеон в Россию более чем полумиллионную армию. Поэтому генеральное сражение, данное Наполеону где-нибудь у границы, и генеральное сражение, данное под Можайском, — военные явления, глубоко различные. В первом случае русская армия шла бы на верную гибель, во втором случае она имела почти равные с противником шансы для победы. Между первым и вторым явлениями прошел резко разграничивающий их фактор времени и пространства. Время и пространство отсали от наполеоновской армии сил в трехкрат больше, чем те, которые она смогла бросить в день Бородинской битвы, 7 сентября, на Бородинском поле. Прибавим к этому, что в отношении артиллерии русские были сильнее французов; у Наполеона в Бородинском сражении участвовало всего 587 орудий, а у русских — свыше 600. Все это говорит о том, что Кутузов замечательно выбрал момент, что в военном отношении сражение было целесообразно.

Кутузов тщательно готовился к битве. Он подтягивал новые, свежие силы, внимательно следил за моральным состоянием в армии, приказывал подвозить необходимые боеприпасы и шанцевый инструмент. Он внимательно обдумывал эту сторону дела. Приведем вместе с тем один малоизвестный характерный факт, показывающий, что Кутузов не боялся *нового* в военном деле, а испытывал к нему большой интерес. Вот выдержки из любопытного письма Кутузова к Раstopчину, датированного 22 августа (за 4 дня до Бородина): «Государь император говорил мне об еростате, который тайно готовится близ Москвы; можно ли им будет воспользоваться, прошу мне сказать и как его употребить удобнее». Действительно Франц Леппих готовил «еростат», с которого предположено было сбросить на Наполеона взрывчатые вещества; технически вопрос был тогда еще не подготовлен, из этой попытки ничего не получилось. Но Кутузов не забыл и этого проекта и справился о нем перед сражением.

Бородинское поле находится в 10—12 километрах западнее Можайска и примерно в 110 километрах от Москвы. Оно имеет почти 10-километровый обзор, слегка всхолмлено в центре. По нему протекает река Колоча, впадающая в Москву-реку. Село Бородино находится по левую сторону реки Колочи. По правую сторону, близ села Бородино, расположена деревня Горки.

Правый берег Колочи — гористый, тут расположился, используя естественный природный рубеж, русский правый фланг под командой Барклая де Толли. Левый фланг под командой Багратиона был расположен по плоской, природой не защищенной местности. Этот фланг Кутузов решил, как он писал Александру I, «укрепить посредством искусства».

Тут были воздвигнуты земляные укрепления для артилле-

рийских орудий, так называемые «флеш» («флеш» по-французски означает стрела). В центре русской позиции возвышалась так называемая «курганная батарея» Раевского. Левый фланг русских упирался сначала в деревушку Шевардино. Но Шевардинский редут еще 24 августа (5 сентября) был после ожесточенных боев захвачен Наполеоном. Левый фланг русских оказался несколько отодвинутым назад. Багратионовы флеш находились в центре левого фланга. Расположенный с края левого фланга Утицкий лес был использован Кутузовым для скрытия сильного резерва: он поставил тут корпус генерала Тучкова, придав им 8 тысяч ополченцев и написав на Бородинской диспозиции (ее подлинник дошел до нас): «Поставить скрытно».

Диспозиция, составленная Кутузовым, носила оборонительный характер, однако она содержала в себе и предпосылки для возможного перехода в наступление.

«Армии, присоединив к себе все подкрепления от Калуги и Москвы прибывшие, ожидают наступления неприятельского при село Бородине, где и дадут ему сражение», — писал в ней Кутузов.

Перечислив далее порядок расположения частей на Бородинском поле, Кутузов продолжал: «В сем боевом порядке намерен я *привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движением.* (Подчеркнуто мною. — М. Н.). При счастливом отпоре неприятельских сил дам собственные повеления на преследование его. При сем случае не излишним почитаю представить господам главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден».

Из кутузовской диспозиции — этого важнейшего документа, датированного 24 августа 1812 года, — явствует основная задача сражения. Замысел боя — прежде всего оборонительный. Кутузов принимает на себя удар противника и действует сообразно его движениям. Если его контрудары увенчаются успехом, он совершит переход к активным действиям, перейдет в наступление.

Об этом же свидетельствуют слова Кутузова, сказанные инженерному капитану Фельтнеру: «Когда неприятель употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, я пущу ему скрытое войско во фланг и тыл». Здесь хорошо передана мысль Кутузова — исчерпать силы противника в оборонительном бою и после этого действовать наступательно.

В своем донесении Александру I Кутузов писал о том же, начиная с характеристики Бородинской позиции: «Позиция, в которой я остановился при селе Бородине, в 12 верстах впереди Можайска, — одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое

находится с левого фланга, постараюсь исправить посредством искусства. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею большую надежду к победе...»

Все эти документы раскрывают основные тактические задачи, которые ставил себе Кутузов в Бородинском сражении.

Каковы же были задачи, которые ставил себе Наполеон?

Наполеон в совершенстве владел искусством победы, то есть искусством, как он сам говорил, быть сильнее противника в нужный момент и в нужном месте. Основной целью Наполеона было разбить живую силу противника.

— В Европе немало хороших генералов, — говорил он, — но они видят сразу слишком много целей. Я вижу только одну — массы неприятельских войск. Я стараюсь их уничтожить, будучи уверен, что остальное рухнет вместе с ними.

Уничтожение живой силы врага в каждом сражении Наполеон осуществлял не равномерным распределением ударов по всему фронту противника, не одинаковым давлением по всему протяжению его частей, а одним, сосредоточенным ударом в решающем месте, в главном направлении. Он находил у противника слабое место и, сосредоточив силы, наносил по нему сокрушающий удар.

Можно отметить два типа тактических планов, применяемых Наполеоном для разрешения задачи разгрома противника. Первый состоял в нанесении сокрушающего удара в центре неприятельского фронта, последующем его прорыве, введении в прорыв сильных, свежих резервов и резком разрыве и раздвижении флангов противника. За этим следовали разгром врага и победа. С помощью такого тактического плана было выиграно Аустерлицкое сражение. Второй представлял собой решающий удар по флангу. Наполеон устанавливал, какой из флангов противника слабее, и наносил по нему сосредоточенный, решающий удар. Затем, разгромив этот фланг, обходил противника с тыла, выходил на его коммуникации, заставлял противника принимать бой с перевернутым фронтом и кончал все полным разгромом его сил.

Выехав на осмотр Бородинской позиции, Наполеон быстро убедился в слабости русского левого фланга, т. е. убедился в том, что было прекрасно известно Кутузову, ожидавшему удара именно в этом месте. Кутузов не ошибся: Наполеон решил действовать вторым из своих излюбленных способов. Основной его целью в начале сражения был разгром русского левого фланга — Багратионовых флешей — и обход русской позиции с тыла.

Сражение началось с раннего утра перестрелкой на правом фланге, но это была маскировка истинных намерений Наполеона. Нападение на центральную «курганную батарею» Раевского на первом этапе битвы также имело для Наполеона

лишь вспомогательное значение. Всю силу своего сосредоточенного удара Наполеон направил на русский левый фланг. Он сосредоточил тут 80 тысяч солдат из 130 тысяч, которыми он располагал в Бородинском бою, и 400 орудий из 587. Наполеон был автором массированного артиллерийского удара и чрезвычайно широко применял его в Бородинском сражении.

Много раз врываются французские войска на Багратионовы флеши и были героически отражены. Французских солдат и командиров поражал героизм русских бойцов. Русские канониры не бросали орудий даже в тот момент, когда французы атаквали самые орудия, — они умирали на своих пушках под ударами французских сабель, не давая повернуть их дуло в сторону русских. Этот героизм нельзя было искусственно вдохнуть в солдата: он рождался сам собой из народного осознания целей сражения. Под ногами была родная земля, а сзади была Москва. Много объяснять не приходилось: все и так было понятно самому простому человеку.

Моральный фактор играл огромную роль в ходе и исходе битвы.

Лермонтов, гениально запечатлевший переживания народа в своем стихотворении «Бородино», вложил рассказ о сражении в уста именно русскому артиллеристу («Забил снаряд я в пушку туго и думал — угощу я друга, постой-ка брат, мусью...»). В стихотворении передана речь полковника к солдатам, — это очень короткая речь — всего две фразы: «И молвил он, сверкнув очами: «Ребята, не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали», и ответ солдат передан также коротко: «И умереть мы обещали. И клятву верности сдержали мы в Бородинский бой».

Молодой герой, начальник русской артиллерии, граф Кутайсов перед Бородинским сражением отдал приказ: «Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем господам офицерам, что, отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собой».

Сам Кутайсов пал в этом сражении смертью храбрых.

На Бородинском поле боролся русский народ, для которого это была *своя война*, война за правое дело, вдохновлявшая его. Солдатам же наполеоновской армии нечем было вдохновиться в бою — перед ними не стояло никакой высокой, воспламеняющей сознание цели. Наполеон в своем приказе перед Бородинским сражением выразил все, чем мог только «вдохновить» французскую армию, но ничего, кроме скудного упоминания о таких земных благах, как удобные квартиры и посул скорого возвращения в отечество, не получилось.

— Воины! — обращался он к своим солдатам. — Вот сражение, которого вы так желали. Победа зависит от вас. Она необходима для нас, она доставит нам все нужное: удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Витебске и Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспоминает о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвой.

Вот все, что мог он сказать своим солдатам.

Наконец Наполеону удалось, бросив в атаку превосходящие силы, овладеть Багратионовыми флешами, залитыми русской и французской кровью. В этой схватке был смертельно ранен любимец армии Багратион. Это одно наносило страшный удар русской армии.

Казалось, второй излюбленный тактический прием Наполеона применен был им очень успешно, и он отдал приказ завершить дело — идти в обход левого фланга и нанести сокрушающий удар по тылу противника. Но обойти левый фланг французам не удалось: корпус Тучкова, дальновидно спрятанный Кутузовым в Утицком лесу, хотя и был в нарушение его приказаний выставлен, замечен и даже потеснен врагом, однако не допустил завершения обходной операции: он задержал французов, сорвал расчеты Наполеона. Таким образом, второй излюбленный прием Наполеона в Бородинском сражении потерпел неудачу.

Тогда Наполеон стал действовать первым способом: он устремился на прорыв центра русского фронта. Силы французов сосредоточились на «курганной батарее» Раевского. Сюда теперь был направлен массированный артиллерийский огонь. «Они еще хотят? Дайте им еще», — отрывисто говорил Наполеон. Орудия гремели непрерывно. Много раз переходила «курганная батарея» из рук в руки и, наконец, залитая кровью, осталась за французами.

Но что же — произошло ли главное, для чего был принят Наполеоном захват этой батареи? Последовал ли прорыв центра? Нет, прорыв центра не последовал. Кутузов все перебрасывал и перебрасывал новые резервные силы в образовавшуюся в центре выемку, заливал ее свежими силами. Деревню Горки, о захвате которой мечтал Наполеон, взять ему не удалось. Русский центр прорван так и не был. В ходе сражения маршалы, о чем-то посоветовавшись, подскакали к Наполеону и обратились к нему с настоятельной просьбой — дать в бой резервы — старую гвардию.

— За восемь тысяч лье от Парижа, — мрачно ответил Наполеон, — я не могу рисковать старой гвардией.

Почему же он не мог рисковать ею, он, великий мастер военного риска? Наполеон не хотел этого делать потому, что,

даже пожертвовав старой гвардией — своим последним резервом, — он не смог бы обеспечить победы.

День уже клонился к вечеру. Мрачный, Наполеон выехал на осмотр позиции. Были ли выполнены поставленные им задачи? Нет. Ни одна из задач выполнена не была, несмотря на невероятные усилия и большие жертвы. Французы потеряли убитыми 57 тысяч человек и 47 лучших генералов. Бородино было названо «могилой французской кавалерии». Это сражение было самым кровопролитным со времени изобретения пороха. Но оно не приблизило желанной Наполеону победы. Бородино было полной и бесспорной неудачей Наполеона.

— Французская армия разбилась о русскую армию, — говорил генерал Ермолов.

Моральное сопротивление противника, его дух не были сломлены. Наполеон знал, как умирают русские солдаты. Ему донесли, что пленных была ничтожная горсть: в плен не сдавались. На русской стороне убитые солдаты лежали ровными рядами: как шли они в бой, так и легли мертвыми на землю в военном строю.

Чьей заслугой было то, что Наполеон не выполнил ни одной своей военной задачи? Это, бесспорно, заслуга Кутузова. Он разработал диспозицию, он же внимательно следил за ходом сражения и давал нужные распоряжения. Он приказал Дохтурову сменить унесенного с поля битвы Багратиона. Когда донесли, что французы заняли флешы, он немедленно послал туда одного из лучших генералов — Ермолова: «Съезди, голубчик, посмотри, нельзя ли что сделать».

По личному распоряжению Кутузова кавалерия Уварова и Платова совершила глубокий рейд в сторону левого французского фланга.

По личному распоряжению Кутузова было брошено сильное подкрепление корпусу Тучкова. Когда Тучков выбыл из строя, по его же распоряжению был назначен новый командир — Багговут.

Когда отчаявшийся Барклай де Толли, неверно оценивший положение (он все время после снятия его с поста главнокомандующего был в очень мрачном настроении, а в день Бородинской битвы сознательно искал смерти, бросаясь в самые опасные места), прислал Кутузову своего адъютанта Вольцогена (немца) с самой пессимистической оценкой общего положения, Кутузов резко оборвал его, воскликнув, что общее положение лучше всех известно ему, Кутузову, и что завтра мы погоним неприятеля из священной русской земли.

«Расходитесь, братцы, не стойте толпами», — постоянно с хладнокровием напоминал Кутузов стоявшим около него военным в его ставке.

В отличие от Наполеона Кутузов выполнил самую важную

военную задачу, которую он ставил себе в Бородинском сражении: он отразил движение неприятеля, измотал его силы и добился того, что ни одна из поставленных Наполеоном задач не была выполнена. Наполеону не удалось обойти русских с левого фланга, Наполеону не удалось прорвать русский центр.

Лев Толстой, оценивая Бородинскую битву, видел в ней не только моральную победу русского народа, которая получила такую популярность в позднейшей литературе. Он, как гениальный писатель и вместе с тем как военный человек, дал замечательную характеристику стратегического значения Бородина:

«Прямым последствием Бородинского сражения было «беспричинное» бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия и гибель Наполеоновской Франции, на которую первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего противника».

С этим мнением нельзя не согласиться. К нему можно только добавить, что и начавшийся после Бородина процесс разложения наполеоновской армии не может быть понят без влияния Бородинской битвы — битвы международного значения. Наполеон впервые не одержал победы. Бородино явилось сигналом о начале его конца для всей Европы.

После Бородинской битвы особенно высоко взлетает волна партизанской борьбы. Поддержка, которую оказал ей Кутузов, — его незабываемая заслуга.

Кутузов, сразу поняв *народный* характер войны 1812 года, сумел использовать его как силу для завоевания победы. Он поддержал инициативу подполковника Ахтырского гусарского полка Дениса Давыдова, выразившего желание идти в тыл врага во главе партизанского отряда. За этим отрядом с одобрения Кутузова последовали другие. Имена Дорохова, Сеславина, Фигнера, Вадбольского и других знамениты в партизанской борьбе 1812 года. По распоряжению Кутузова крестьянам выдавались для целей партизанской борьбы оружие и боеприпасы. Кутузов давал руководящие указания для партизанского движения и следил за его успехами.

ФЛАНГОВЫЙ МАРШ КУТУЗОВА

В течение всей войны 1812 года перед Кутузовым не стояло более сложной задачи, чем та, которая стала перед ним сейчас же после вступления Наполеона в Москву. Москва была отдана ему сознательно, в результате военного расчета: лучше отдать Москву, нежели потерять армию. «С потерей Москвы еще не потеряна Россия, с потерей армии Россия потеряна». Сейчас страшной и невыразимо дорогой ценой ар-

мия была спасена и Москва была в руках ликующего врага. Что же предпринять дальше?

Чтобы правильно расставить русские военные силы, Кутузов должен был предугадать будущее движение французской армии, о котором даже сам Наполеон еще не имел определенного решения.

Сначала для Наполеона совершенно ясна была необходимость выждать, пока события надломят волю русского правительства и заставят его заключить мир. Но время шло, а мира не было. Тогда, естественно, стали возникать разнообразные планы дальнейшего хода военных действий. Был план Мюрата: главным силам немедленно двинуться на Тверь, а оттуда на Петербург, остальная же часть войск должна задержаться в тылу и ударить по кутузовской армии. По расчетам Мюрата осуществление этого плана должно было занять двадцать пять дней. Маршал Даву настаивал на движении на Тулу, Калугу и далее на Украину. Был план Нея — двигаться обратно к Смоленску. Были и другие планы, предполагавшие вообще все возможные направления движения.

Находясь в оккупированной Москве, Наполеон и его маршалы решали задачу дальнейшего движения войск и никак не могли ее решить, так как оперировали со многими неизвестными. Они не знали: будет ли мир или нет? Удастся ли завязать связи с местным населением для питания армии или нет? Может ли Москва быть местом для зимней стоянки «великой армии» или нет?

Кутузов же решил эту задачу французов раньше их самих. Он угадал будущее неизбежное направление их армии. Управлять — значит предвидеть, и Кутузов предвидел. Он смог решить не дававшуюся французам задачу именно потому, что многие неизвестные для французов величины были для Кутузова известны: он знал, что мира не будет, что в стране идет народная война, что ни на какое продовольствие из подмосковных деревень французам рассчитывать нечего, а сожженная русскими Москва, охваченная кольцом народной войны, — не место для зимовки.

Таким образом, Кутузов знал, что Наполеон станет отступать, знал, что он не пойдет на Петербург, знал, что исключено движение на северо-восток, знал, что Наполеон двинется обратно, что его будет соблазнять именно план Даву: движение на Калугу и далее на Украину. Все эти данные и определили ту изумительно правильную, основанную на предвидении позицию, которую занял Кутузов после сдачи Наполеону Москвы. Он предпринял свой, знаменитый в летописях войн обходный марш — маневр, обманувший Наполеона.

Прежде всего Кутузов приказал армии двинуться по Рязанской дороге. Это движение было маскировочным, рассчитанным на то, чтобы обмануть Наполеона. Но спустя некото-

рое время Кутузов приказал основной массе русской армии круто повернуть к югу, на старую Калужскую дорогу у деревни Красная Пахра и лишь двум полкам казачьей кавалерии под командованием князя Васильчикова — двигаться далее в том же направлении, увлекая за собой Мюрата, преследовавшего русскую армию.

Целую неделю французское преследование двигалось по ложному следу, не разгадывая истинных намерений Кутузова, и только 22 сентября французы поняли свою ошибку и изменили направление. Между тем вся армия Кутузова уже 19 сентября (когда еще полыхал московский пожар) находилась уже в Подольске, на следующий день продвинулась к Красной Пахре и вышла на старую Калужскую дорогу. Там русская армия стала сторожить момент отступления и прикрывать направление на Калугу, на Тульские оружейные заводы, на богатую хлебом и продовольствием Украину.

От Красной Пахры, где не было удобных позиций для боя, Кутузов двинул свой штаб к деревне Леташовке и расположился тут 4 октября. Русская армия расположилась в соседнем селе Тарутине и его окрестностях.

На следующий же день — 5 октября, — вечером, к русским аванпостам подъехал с белым флагом французский генерал Лористон для переговоров о мире. Сказав посланцу Наполеона, что война не кончается, а собственно, только начинается, и, заступившись за формы народной войны, осуждаемые Лористоном, Кутузов принял пакет на имя императора с просьбой о мире, отклонил предложение о пропуске русского гонца с пакетом через французские аванпосты и через Москву, и на том кончилось дело. Ответа на мирное предложение Наполеона не последовало.

Уже в середине октября вопрос о необходимости отступления и вывода войск из Москвы выяснился для Наполеона окончательно. Он отдал приказ, а затем повторил его — чтобы артиллерийские парки, отправляемые в распоряжение «великой армии», не шли дальше Смоленска. 16 октября уже началась эвакуация из Москвы французских раненых. 18 октября «великая армия» Наполеона в целом уже готовилась к эвакуации, назначенной на следующий день.

Именно в этот день — 18 октября 1812 года — и дал Кутузов бой наполеоновским войскам — первый наступательный бой под Тарутиным. Диспозиция боя была утверждена Кутузовым еще 16 октября, 17-го бой задержали случайные обстоятельства, а 18 октября он начался.

Орлов-Денисов атаковал правый фланг французского авангарда под командой Мюрата. Французы потеряли в этом бою 2500 человек, русские — около 1000, кроме того русские захватили 36 пушек, 50 зарядных ящиков и знамя. Мюрат отступил; победа была за русскими войсками.

Тарутинская битва встревожила Наполеона, показав ему, что русская армия полна боевого, наступательного духа и первой предпринимает наступательные действия. Она же показала Наполеону, что южные позиции уже заняты русскими и без боев ему на юг не пройти.

Наполеон вывел из Москвы 110-тысячную, а ввел в Россию свыше чем полумиллионную армию — 575 тысяч человек. Уже одни эти цифры говорили об его страшном ослаблении и об успехе гениальной тактики Кутузова. Но глубоко неправы те историки, которые отход Наполеона от Москвы рисуют как простое бегство, а фланговый марш Кутузова как безусловно обеспеченное конечным триумфом движение за врагом, в котором Кутузов уже вел игру наверняка. Нет, положение было гораздо более сложным и трудным для Кутузова. Вопрос о балансе сил, гениально им угаданный и правильно разрешенный в Бородинской битве, вставал вновь: его не сняло время.

Конечно, армия Наполеона была уже не та, что прежде. В ней шли процессы разложения, упала дисциплина, пошатнулась вера в предприятие вождя. Его банкротство стало постепенно все более выясняться даже перед теми людьми, которые ему ранее верили безгранично. Но резкий перевод армии на походное положение несколько подтянул дисциплину, богатая добыча, которую тащили обозы, ублаживала сознание солдат. Поход наладил военный строй, воскресил военные привычки. Гвардия же вообще была менее других частей затронута разложением. Одним словом, 110-тысячное войско, которое в теплые дни золотой осени 1812 года Наполеон вывел из Москвы, еще представляло собой значительную боевую силу. Кутузов же располагал под Тарутиным лишь 97 тысячами человек. Генеральный бой при таком соотношении сил не был желателен для Кутузова. Он решил действовать чрезвычайно осторожно. Тем более что враг уже был на отступлении, перелом войны уже совершился и вопрос о риске стоял иначе, нежели под Бородиным, когда французы победно наступали.

Кутузов вновь обдумывал вопрос о балансе сил и не видел нужды рисковать, поскольку враг все равно отступает. Поэтому славные бои под Тарутиным, под Малоярославцем, которые с таким успехом для русских давал французам Кутузов, все же не были генеральными сражениями, столкновением всей массы войск русских со всей массой войск противника. У Кутузова была явно заметна тенденция к тому, чтобы, удовлетворяясь успехом частичных столкновений, уводить армию от боя.

23 октября в жарких боях под Малоярославцем успех много раз клонился то на ту, то на другую сторону. Восемь раз город под непрерывный гром артиллерии переходил из рук в руки. На восьмой раз французы остались обладателями го-

рода, и 25 октября, на рассвете, Кутузов приказал русской армии отступать от Малоярославца на две с половиной версты, чтобы занять удобную позицию для прикрытия дороги на Калугу.

Несмотря на отход от города наступательный дух русской армии был замечен любому наблюдателю, а грозная позиция защиты Калужской дороги была несомненной для Наполеона и его маршалов. Было ясно, что замысел Кутузова защитить во что бы то ни стало Калугу столь тверд, что он не отступит перед боем.

Малоярославецкое сражение показало Наполеону превосходное моральное состояние противника. «Разве мы не видели вчерашнего поля битвы, разве не заметили, с какой яростью русские рекруты, еле вооруженные, едва одетые, шли там на смерть?» — говорил об этом сражении маршал Наполеона Бессьер. Наполеон почувствовал грозную силу русской армии и не принял боя. Это было ново в ходе развития войны. Это лучше, чем что-либо иное, говорило об изменившейся тактике Наполеона.

Малоярославецкая битва решила вопрос о направлении наполеоновского отступления. Наполеон вынужден был идти старой, уже обглоданной ранее французами Смоленской дорогой. Замысел пройти на юг — через Калугу, Тулу, на Украину — не удался. Это особенно важно подчеркнуть сейчас, когда на основе нового документального материала стало известно, что Наполеон думал «отторгнуть» от России Украину и, соединив ее с Крымом, образовать «самостоятельное», подвассальное себе государство.

Наполеон отступил на Боровск, прошел Верею, Можайск, вновь провел свою армию через страшное Бородинское поле. Войска чувствовали себя тревожно. Неизменно сопутствуя им на фланге, шла невидимая и опасная армия Кутузова, налетали все сильнее крестьянские партизанские отряды и прежние русские регулярные части, перешедшие по приказу Кутузова на партизанское положение.

Французы все сжигали на своем пути. Ожесточение доходило до апогея. Голод грыз «великую армию» и усиливал рознь между привилегированными французскими частями, которые получали все, особенно гвардией, и всеми остальными частями и прежде всего не французскими. Солдаты наполеоновской армии питались трупами палых лошадей и даже своих собственных товарищей.

Дорога от Смоленска до Вильно была усеяна трупами французов. Николай Муравьев, участник кампании, пишет: «Из любопытства счел я однажды, сколько их на одной версте лежало, и нашел от одного столба до другого 101 труп, но верста сия в сравнении с другими еще не изобиловала телами: на иных верстах валялось их может быть до трехсот». Тот же

Николай Муравьев, зайдя в Смоленске в дом, в котором жил Мюрат, обнаружил «на квартире, занимавшейся Неаполитанским королем, ...ободранную кошку, вероятно готовившуюся к столу».

Военные столкновения, партизанские налеты, голод, холод, болезни — все это с огромной быстротой истощало силы французской армии. Наполеон вышел из Москвы со стотысячной армией, а из Смоленска — с армией, не достигавшей и 50 тысяч человек.

В ноябре, когда ко всем бедствиям наполеоновской армии присоединились морозы, военный строй отступления уже был совершенно разрушен. Его сохранила одна только гвардия. Другие же полки шли беспорядочными массами, вытянувшись по дороге длинной нестройной вереницей.

17 ноября Кутузов под Красным напал на арьергард Наполеона и дал бой. Части маршала Нея ушли от разгрома, с риском для жизни переправившись на ту сторону Днепра по тонкому, еле установившемуся льду. Многие погибли в ледяных волнах реки, в трещинах и полыньях. Когда через несколько дней после сражения при Красном отряды маршала Виктора, двигавшиеся от берегов Двины навстречу наполеоновской армии, встретились с нею или ее остатками, они не поверили глазам: перед ними была нестройная толпа слабых, несчастных, полубомороженных людей, которых никак нельзя было назвать армией.

Спасение этих жалких остатков «великой армии» при Березинской переправе 25—28 ноября — удача Наполеона. Посланные Кутузовым, чтобы помешать этой переправе, неспособный Витгенштейн и неопытный в сухопутных операциях адмирал Чичагов были обмануты ложным маневром Наполеона: они не разыскали сразу места истинной переправы и выпустили из рук императора и его армию. Но принципиального значения эта неудача не имела: дни наполеоновской армии уже были сочтены.

Как раз после Березины грянули сильные морозы, доходившие до 30°. Они сильно ослабили остатки французской армии, но никакого решающего значения не имели. Легенда о том, будто бы Наполеона в России погубил не народный характер войны, а морозы, не выдерживает никакой критики. Денис Давыдов написал в опровержение этой легенды специальную работу под названием «Правда ли, что морозы погубили в России наполеоновскую армию?» С фактами в руках он доказал всю лживость этой легенды, имеющей французское происхождение. В течение 26 дней отступления Наполеона только трое суток стояли морозы, достигавшие 12—17°, в остальные дни была оттепель или же трех—четыреградусный мороз. Сильные морозы грянули лишь с Березины, когда участь армии была давно и бесповоротно решена.

От морозов страдала не только французская, но и русская армия, но, конечно, морозы все же шагали в русских рядах: голодного, полураздетого француза могли доканать и 3—4-градусные холода, русские же войска были у себя дома, на своей земле.

В Англии русские морозы вызывали величайшее внимание, и союзники ликовали, видя, что мороз работает на Россию. Английские журналы печатали даже стихи, посвященные «Его устрашающему величеству Джону Морозу, вице-королю Александра I, императору Севера, королю снега, протектору конфедерации льдов». В этом «титule» имитировались элементы наполеоновского титула.

Вопросы погоды никогда и ни в какой войне не могут иметь решающего значения. Сломали Наполеона вовсе не морозы, как он позже уверял сенат, а народный характер Великой отечественной войны, возглавленной народным полководцем — великим Кутузовым.

Наполеон ввел в Россию 575-тысячную армию. Он уводил из России менее 30 тысяч полубомороженных, больных людей. Таковы были итоги войны.

В ночь на 6 декабря 1812 года Наполеон бежал от своей «великой армии», или, вернее, от того, что некогда было ею. Один, без свиты, в простой повозке, закрывая лицо меховым воротником, чтобы не быть узнанным по дороге, Наполеон мчался в Париж. Он хотел опередить страшного врага — слух о своем разгроме, о полном провале «русской кампании» 1812 года.

В Варшаве Наполеон задержался и виделся с французским представителем — архиепископом Продом. На тревожный вопрос: «Что армия?» — Наполеон ответил фразой, которая одна может служить краткой формулой, подводящей итоги кутузовской тактике: «Нет более армии».

Тут же он произнес слова, ставшие широко известным изречением: «От величественного до смешного только один шаг!»

Эти слова были сказаны Наполеоном именно по поводу проигранной им «русской кампании» 1812 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

10 декабря русские войска, наседая на французские арьергарды, вошли в Вильно. 14 декабря последний французский отряд был изгнан из пределов России. Торжественным манифестом 25 декабря 1812 года русское правительство объявило об окончании войны.

Сейчас же за этим началась новая война — кампания 1813 года. Отечественная война русского народа дала сигнал поработленным Наполеоном народам Европы для борьбы за свое освобождение. Она является поэтому не только сияющей стра-

ницей истории нашей родины, но и огромным событием международного значения.

Награжденный высшим военным орденом Георгия I степени, получивший титул светлейшего князя Смоленского, увенчанный мировой славой, старый фельдмаршал стал во главе нового, уже европейского похода. С восторгом, как освободителя, встречала его Пруссия. По всей Европе гремела его слава. Кутузов занял Силезию, перед ним склонился Лейпциг, ему с покорностью принесли ключи от крепости Торн.

Но подточенное тяжелым походом некогда железное здоровье старого фельдмаршала становилось все хуже и хуже. Проезжая Силезией в сырой ветренный день, когда валил мокрый снег, Кутузов вышел из кареты, сел верхом и так продолжал путь. Это не прошло ему даром. В силезском городке Букулау он слег и уже больше не встал. Болезнь оказалась смертельной. 28 апреля 1813 года Кутузова не стало. Тело фельдмаршала увезли хоронить в Россию.

На площади силезского городка Букулау был воздвигнут обелиск с надписью:

«До сих мест полководец Кутузов довел победоносные войска российские, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас отечество свое и открыл пути освобождения Европы. Да будет благословенна память героя».

В городе Ленина, у левого крыла Казанского собора, возвышается памятник Кутузову. Полководец поднял руку, направляя ее вдаль, как бы указывая пути к победе.

Имя Кутузова сияет в веках как символ победоносной борьбы за родину. Он был истинно народным полководцем. Его сила была в том, что он понял, что война 1812 года есть Отечественная, народная война, сумел опереться на народ, выявить его силы, собрать их воедино, бросить на врага — и победить.

Пушкин в стихотворении «К тени полководца» говорит о нем:

«В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает,
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал и спас!»

7 ноября 1941 года, в дни героической борьбы советского народа с кровавым гитлеризмом, когда вражеские полчища приблизились на подступы к столице, товарищ Сталин на Красной площади в Москве обратился к Красной Армии, к партизанам и партизанкам, ко всему борющемуся советскому народу с призывом быть достойными великой освободительной миссии, которая выпала на долю советского народа.

И, говоря о мужественном образе наших великих предков, которые вдохновляют нас на борьбу, товарищ Сталин в ряде других славных имен произнес и имя великого русского полководца Михаила Кутузова.

Вымотать силы врага, чтобы затем принудить к отступлению и потом закончить все полным и окончательным разгромом врага — такова основная военная идея фельдмаршала Михаила Кутузова. Эта идея пронизывает собой и статут нового ордена Кутузова. Орден дается за проведение сложных систем мероприятий, которые приводят к разгрому измотанного врага. Орден дается «за хорошо разработанный и проведенный план вынужденного отхода крупных соединений, с организацией массированных контрударов, нанесенных врагу тяжелых потерь и вывода своих войск на новые рубежи с малыми потерями в технике, живой силе и полной боевой готовности; за успешную организацию операции крупных соединений по борьбе с превосходящими силами противника, изматывание его войск, истребление живой силы и техники и сохранение своих войск в постоянной готовности к решительному наступлению».

«За исключительное упорство в противодействии наступлению превосходящих сил врага, удержание занимаемых позиций, с использованием умело организованной системы огня, местности, контрударов живой силы, танков, авиации, с последующим переходом в решительное и успешное наступление».

Статут ордена Кутузова — замечательное военное наследство, завещанное нам фельдмаршалом Михаилом Кутузовым.

В Великой отечественной войне нашего времени, в борьбе за правое дело всего свободолюбивого человечества против кровавого гитлеризма принята на вооружение и великая память о прошлом. Когда мы очистим советскую землю от гитлеровского зверья, когда начнется освобождение народов Европы, мы станем рассказывать своим детям об оружии, которым мы победили. Среди его неисчислимого богатства будет и священная слава 1812 года, священная слава его вождя — Михаила Кутузова.

Хранится это оружие в сердце.

